

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493

Факторы депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере: региональный аспект*

Г.Б. Кошарная, Е.В. Щанина

Пензенский государственный университет
ул. Красная, 40, Пенза, 440026, Россия
(e-mail: k-galina1@yandex.ru; shchanina@mail.ru)

Проблема социальной депривации и эксклюзии пожилых людей становится актуальной не только для России, но и для многих европейских стран. Цель статьи — оценка факторов риска депривации пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений на основе теоретико-методологического анализа концепций классиков социологической мысли, современных отечественных и зарубежных социологов, исследующих вопросы социальной депривации. Обобщив теоретико-методологические подходы, авторы разработали факторную модель депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере. Используя эту модель, а также результаты социологических исследований, проведенных в 2017—2018 годы методом анкетного опроса в Пензенской и Саратовской областях и Республике Татарстан, авторы проанализировали факторы депривации пожилых людей в сфере труда. В статье подчеркивается, что пожилые люди представляют неоднородную социальную группу, часть которой является объектом социальной политики, защиты и обеспечения, а другая — активным субъектом социальных взаимодействий. Депривация пожилых людей зависит от внешних и личностных факторов, которые имеют объективный или субъективный характер. По данным эмпирических исследований, показаны наиболее значимые депривирующие факторы пожилых людей в социально-трудовой сфере — возраст, уровень образования, место жительства, социально-профессиональный статус до пенсионного возраста, самооценка здоровья и уровня жизни, восприятие своей востребованности на рынке труда, а также положение пожилых людей на рынке труда с позиций работодателей. Результаты исследования позволили выделить сферы деятельности, в которых трудовая занятость пожилых людей наиболее востребована: здравоохранение, торговля и производство, в то время как сфера информационных технологий для них закрыта. Преодолению факторов депривации способствует выбор и реализация стратегий поведения, соответствующих модели активного долголетия.

Ключевые слова: пожилые люди; факторы депривации; рынок труда; востребованность на рынке труда; социально-трудовая активность пожилых людей; трудовая занятость пенсионеров

В связи с демографической ситуацией в России, сложившейся в последние десятилетия, становится все более актуальным вопрос социальной интеграции пожилых людей и о факторах, ее ограничивающих. Так, согласно результатам Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного в 2016 году Федеральной службой государственной статистики, 9,9% респондентов старше 65 лет указали, что проживают в домохозяйствах, испытывающих материальную депривацию [28].

* © Кошарная Г.Б., Щанина Е.В., 2019.

Статья поступила 24.03.2019 г. Статья принята к публикации 23.05.2019 г.

Термин «депривация» был введен в социологию Т. Маршаллом [22] и П. Таунсендом [44]: они рассматривали депривацию как наблюдаемое, доказуемое невыгодное положение индивида, семьи или группы на фоне сообщества. Исследуя различные аспекты (абсолютные и относительные) депривации, Т. Гарр [7] пришел к выводу, что депривация является негативным явлением, способствующим росту социальной напряженности. По мнению Дж. Бертона [38], депривация — результат несовпадения в ожидаемом и фактическом удовлетворении потребностей. Ряд зарубежных ученых [1; 29; 33; 37; 41; 42; 43] считают, что крайней формой проявления депривации является социальная эксклюзия, и их позицию разделяют многие отечественные исследователи [3; 6; 16; 25; 30; 32]. Российские ученые все чаще рассматривают проблему депривации [4; 11; 15] в изучении социально-экономического неравенства [3; 5], уровня и качества жизни [8; 12], социального самочувствия [2; 17] и др. Правомерность рассмотрения социальной эксклюзии как формы депривации пожилых людей основана на концепции Р. Левитас и ее соавторов, давших определение социальной эксклюзии и акцентировавших, что ее можно относить к индивиду и группе, а также то, что она характеризует различные направления общественной жизни [39. С. 5].

Об актуальности проблемы социальной эксклюзии заявлено и на государственном уровне. Так, в 1995 году был принят Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» в котором определены группы населения, попавшие в тяжелые жизненные ситуации и нуждающиеся в заботе и помощи, т.е. предполагается, что люди, попавшие в тяжелые жизненные ситуации, являются социально исключенными из общества и нуждаются в помощи государства. Проблема социальной депривации и эксклюзии пожилых актуальна не только для России, но и для многих европейских стран. Подтверждением стала прошедшая в начале 2018 года в Бельгии конференция, посвященная проблеме эксклюзии пожилых в современном стареющем мире и организованная сетью ROSEnet (Reducing Old-Age Social Exclusion), главной задачей которой является уменьшение числа пожилых людей, находящихся в ситуации риска социальной эксклюзии.

Безусловно, депривация пожилых людей зависит от внешних и личностных факторов, которые, в свою очередь, имеют объективный или субъективный характер. Внешние — факторы, созданные социальным окружением, институтами и инфраструктурой (на макро-, мезо- и микроуровне). Личностные факторы непосредственно связаны с пожилым человеком, его внутренним миром. Объективный характер факторов депривации связан с тем, что они существуют независимо от воли и сознания пожилых людей. Субъективные факторы возникают в результате поведения и взаимодействия пожилых. В таблице 1 представлена факторная модель депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере. Мы учитываем, что пожилые люди формируют неоднородную социальную группу, представленную во всех слоях российского общества: часть из них является объектом социальной политики, защиты и обеспечения, а другая часть — активным субъектом социальных взаимодействий.

Факторная модель депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере

Факторы депривации				
Характер депривирующих факторов		Внешние		
		Макроуровень	Мезоуровень	Микроуровень
	Объективные	Социально-экономическая, политическая ситуация в стране Приоритетные направления государства Социально-демографическая ситуация в стране Развитие науки и техники	Социально-экономическая ситуация в регионе Уровень развития региона Социально-демографическая ситуация в регионе	Необходимость оказывать разные виды помощи членам семьи (материальную, помощь в воспитании и уходе за подрастающим поколением, помощь в случае болезни) Мошенничество и противоправные действия в отношении пожилых Социальные риски и угрозы
	Субъективные	Востребованность пожилых людей на рынке труда Стереотипы в отношении пожилых людей Традиции, обычаи и др.		
		Личностные		
Объективные	Возраст, уровень образования, состояние здоровья, социально-профессиональный статус, жизненный опыт, уровень трудовой и профессиональной мобильности, место проживания, дезадаптация к современным условиям и др.			
Субъективные	Социальное самочувствие, самоидентификация, самооценка, восприятие своей востребованности на рынке труда, ценности и ценностные установки, личностный потенциал, потребности, выбор и реализация стратегий поведения, уровень информированности по разным аспектам жизнедеятельности (о государственных программах в отношении пожилых людей, льготах, пособиях, субсидиях), уровень доверия к социальным институтам и др.			

Проблемы депривации начинают появляться у человека одновременно с прекращением трудовой занятости и выходом на пенсию. Именно в это время происходит изменение его социального статуса: был работающим, а значит успешным, востребованным — стал пенсионером, т.е. человеком, утратившим значимость. Изменение социального статуса предполагает изменение ролевого набора — в большинстве случаев он резко сужается. С выходом на пенсию ухудшается материальное положение, так как у основной массы пенсионеров главным источником дохода является пенсия, а ее уровень в большинстве случаев находится на уровне прожиточного минимума. Часто возникает проблема одиночества, обусловленная сужающимся кругом общения и утратой мотивации к культурно-познавательной деятельности.

В 2017—2018 годы нами были проведены анкетные опросы на темы: «Направления социальной активности пожилых людей в процессе социальной адаптации» в Пензенской и Саратовской областях и Республике Татарстан (опрошено 1120 респондентов старше 55/60 в 2017 году); «Место и роль пожилых людей в обществе» (412 респондентов старше 20 лет в 2018 году в Пензенской области); «Востребованность представителей старшего поколения на рынке труда в Пензенской области» (268 респондентов среди работодателей и представителей служб управления персоналом в 2018 году); также проанализированы данные официальной статистики, характеризующие уровень занятости людей старше трудоспособного возраста в Российской Федерации. Согласно результатам опросов в общест-

венном мнении сложилось четкое разграничение группы пожилых людей по возрасту: «пожилые люди» — в возрасте от 61 года до 77 лет, «старые люди» — старше 78 лет. Независимо от возраста каждый второй респондент уверен, что пожилые люди обладают значительным потенциалом, используя который смогли бы интегрироваться в общество. Однако 45% высказали мнение, что пожилые — это, прежде всего, обездоленные, нуждающиеся в адекватном пенсионном и социальном обеспечении люди. Для 2,5% респондентов пожилые люди — экономический и социальный балласт общества, тормозящий эффективные реформы. Подобные утверждения являются результатом сложившихся стереотипов в отношении пожилых людей, которые следует рассматривать как факторы депривации пожилых не только в сфере социально-трудовых отношений, но и в других сферах социальных взаимодействий.

По данным выборочных обследований рабочей силы в России уровень занятости людей в возрасте 55/60—72 лет в 2017 году составил 28,8%. Самый высокий уровень занятости населения в возрасте старше трудоспособного зафиксирован в Дальневосточном федеральном округе (35,9%), республиках Ингушетии (45%) и Кабардино-Балкарии (39,2%), Санкт-Петербурге (41,6%), Москве (37,3%) и Московской области (38,5%). Самый низкий уровень занятости пожилых — в Приволжском округе (24,6%), в том числе в Пензенской области, он ниже, чем в целом по стране (24,2%). Несмотря на достаточно высокий уровень занятости (каждый четвертый пожилой человек продолжает трудовую занятость) и учитывая то, что этот показатель практически не меняется, следует отметить ежегодный рост уровня безработицы пожилых людей с 2,7% в 2012 году до 3,3% в 2017-м [26].

Данные социологических опросов свидетельствуют, что пик трудовой активности у пожилых людей приходится на возраст 60—65 лет. В этот период трудовую деятельность осуществляют 41% респондентов, но по мере увеличения возраста уровень занятости снижается (65—70 лет — 24%; 70—75 — 13%; 75—79 — 9%; старше 80 лет — 0%). В то же время среди неработающих пожилых людей в возрасте 65—70 лет о неудовлетворенной потребности в трудовой занятости заявили 26%, в возрасте 70—75 лет — 21%, в 75—80 лет — 18%. Следовательно, несмотря на то что с возрастом уровень занятости пожилых людей снижается, на протяжении достаточно длительного периода после выхода на пенсию сохраняется потребность в трудовой активности, а уровень неудовлетворенности свидетельствует, что возраст является объективным фактором депривации пожилых людей в сфере труда.

Женщины пожилого возраста имеют более высокий уровень включенности в трудовую сферу. В 2017 году уровень занятости женщин старше трудоспособного возраста в целом по России составил 29,7%, у мужчин — 26,5% [26]. Отсутствие статистически значимых различий в занятости мужчин и женщин свидетельствует, что гендер в пожилом возрасте не является депривирующим фактором в трудовой сфере.

Существенные различия в возможностях трудовой занятости зафиксированы по уровню образования пожилых людей: чем выше уровень образования, тем выше уровень занятости. Среди пожилых, имеющих незаконченное среднее образование, работают 13%, среднее — 33%, среднее специальное — 37%, незаконченное

высшее — 50%, высшее (в том числе с ученой степенью) — 52%. Наличие высшего образования сегодня является своего рода гарантией, что потребность в трудовой занятости будет удовлетворена. Среди пожилых людей, имеющих высшее образование, 13% респондентов имеют неудовлетворенную потребность в трудовой занятости, в то время как среди не имеющих профессионального образования — каждый четвертый, т.е. низкий уровень образования является одним из депривировующих факторов пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений.

Объективность или субъективность фактора определяется тем, в состоянии ли пожилой человек повлиять на него, учитывая свои потребности, желания и т.д., а также на социальные условия, дающие возможность оказывать влияние на этот фактор. В пожилом возрасте человек, испытывая потребность в повышении уровня образования, не может удовлетворить ее, так как отсутствует или недостаточно развита образовательная инфраструктура, ориентированная на данный возраст. В российском обществе единственное, что предлагается пожилым людям — курсы компьютерной грамотности и лекции на бытовые темы, а профильного, специального обучения нет. Поэтому тот уровень образования, который был достигнут пожилым человеком в более молодом возрасте, остается неизменным. Таким образом, уровень образования следует рассматривать как ключевой объективный фактор депривации пожилых в сфере социально-трудовых отношений, учитывая и то, что полученные знания имеют особенность устаревать. В то же время применительно к молодежи уровень образования является субъективным фактором, так как у нее есть возможность получить хорошее образование, совершенствовать свои знания — для этого созданы системы среднего специального и высшего образования, дополнительного профессионального образования — все зависит от внутренней мотивации молодого человека воспользоваться ими.

Следующим объективным фактором депривации пожилых людей на рынке труда является социально-профессиональный статус до наступления пенсионного возраста. Этот фактор для большинства пожилых людей следует рассматривать как объективный, поскольку с наступлением пенсионного возраста вероятность трудовой мобильности стремится к нулю. Максимальный уровень трудовой занятости был зафиксирован среди пожилых людей, работающих до наступления пенсионного возраста служащими, специалистами, рабочими (34%, 29% и 22% соответственно), а минимальный — у руководителей (15%). Несмотря на достаточно высокий уровень занятости, каждый четвертый пожилой человек, бывший по роду своей деятельности специалистом, испытывает неудовлетворенную потребность в трудовой занятости (среди руководителей — 14%), вероятно, потому что на рынке труда наблюдается высокая конкуренция среди данной категории пожилых людей за счет избыточного предложения труда.

Местожителство пожилых людей также является объективным фактором их депривации в сфере социально-трудовых отношений. По данным опросов, каждый второй пожилой человек, проживающий в областном центре, работает, в то время как среди пожилых людей, проживающих в селах и деревнях, — только 17%. Что касается неудовлетворенной потребности в трудовой занятости, то среди пожилых людей, проживающих в поселках городского типа, 33% испытывают данную

потребность, в селах и деревнях — 25%, в областном центре — 11%. Можно предположить, что ограничения в трудовой занятости пожилых людей в небольших населенных пунктах связаны с отсутствием вакансий за счет концентрации крупных предприятий и организаций в областном центре или рядом с ним.

Среди субъективных факторов депривации пожилых людей в социально-трудовой сфере, прежде всего, следует выделить социальное самочувствие — самооценку состояния здоровья и уровня жизни. Анализ уровня занятости в зависимости от самооценки здоровья показал наличие прямой зависимости: чем выше самооценка, тем выше вероятность трудовой занятости. Среди пожилых людей, оценивающих состояние своего здоровья как хорошее, 31% трудоустроен, среди тех, кто считает свое состояние здоровья соответствующим возрасту — 28%, а среди тех, кто оценивает состояние здоровья как плохое — 15%. Следовательно, состояние здоровья в пожилом возрасте является значимым депривирующим фактором в сфере социально-трудовых отношений.

Пожилые люди, высоко оценивающие свой уровень жизни, в меньшей степени заинтересованы в продолжении работы — среди них только 17% продолжают работать, в то время как среди тех, кто не может свести концы с концами, работают 54%. В данном случае наблюдается эффект замещения, т.е. увлеченность любимым делом становится более ценным по сравнению с возможностью получать дополнительный доход, т.е. пожилые люди с высокой самооценкой уровня жизни депривируют себя в сфере социально-трудовых отношений.

Респонденты-работодатели среди главных внешних депривирующих факторов, ограничивающих трудовую занятость пожилых людей, выделили: возрастную дискриминацию при приеме на работу (54%), состояние здоровья (40% респондентов), личностную незрелость молодых руководителей, которые боятся сотрудников старше себя, не знают, как выстраивать с ними отношения и как использовать их опыт и знания в интересах собственного дела (25%), низкую конкурентоспособность по сравнению с населением трудоспособного возраста (18%), невнимание работодателей к проблеме приспособления условий труда к возможностям пенсионеров (13%). Мнения пожилых людей практически идентичны мнениям работодателей (рис. 1).

Относительно личностных депривирующих факторов в сфере труда мнения пожилых людей и работодателей разошлись: вторые считают таковыми недостаток знаний, особенно в области компьютерных технологий (49%), трудности в перестройке восприятия и представлений (36%), консервативность (19%), неспособность приспособиться к новым людям или к новой ситуации (19%), негибкое поведение (17%). Сами пожилые не считают, что их консервативность является одним из ведущих депривирующих факторов (только 10% выбрали данный вариант), как и то, что они трудно перестраивают свое восприятие и представления в изменившейся обстановке (20%). В то же время пожилые люди критичны в отношении гибкости своего мышления и считают ее вторым по значимости депривирующим фактором (рис. 2). Статистически значимыми различиями в мнениях пожилых людей и работодателей являются убеждения относительно негибкости мышления и наличия трудностей в перестройке восприятия и представлений в изменившейся обстановке.



Рис. 1. Мнения пожилых людей и работодателей относительно внешних депривирующих факторов пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений (в %)

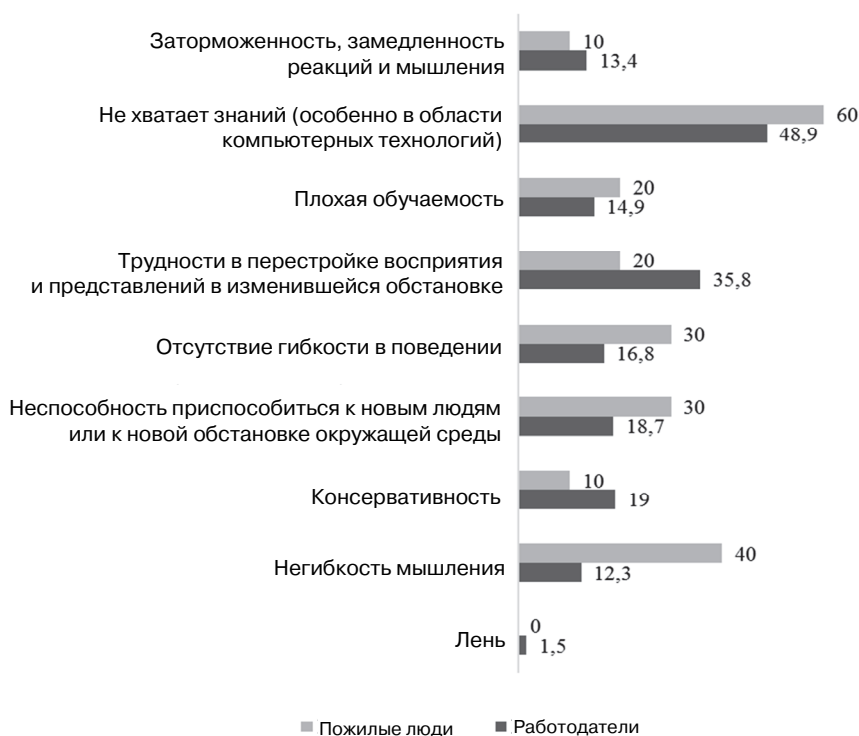


Рис. 2. Мнения пожилых людей и работодателей относительно личностных депривирующих факторов пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений (в %)

По оценкам работодателей, по таким параметрам, как инициативность, скорость решения поставленных задач и работоспособность, пожилые люди уступают работникам трудоспособного возраста (их назвал каждый третий работодатель). Однако сами пожилые люди не согласны с этим и считают, что они не уступают более молодым работникам, а по уровню профессиональных знаний и навыков, наоборот, превосходят их (70%). Следовательно, низкий уровень инициативности, скорости решения задач и работоспособности следует рассматривать как объективные депривационные факторы, снижающие конкурентоспособность пожилых людей на рынке труда.

В ходе исследования была проведена оценка готовности работодателей принимать на работу работников пожилого возраста: возраст для большинства работодателей не является поводом для отказа в приеме на работу (46%), основной акцент делается на уровне профессиональных знаний, умений и навыков, а также на производительности труда, т.е. высокий уровень образования, квалификации и профессиональный опыт позволяют пожилым людям сохранять конкурентоспособность на рынке труда и снижать уровень депривации. По мнению работодателей, для пожилых людей лучше всего подходит работа в режиме неполного рабочего времени (40%), работа консультационного характера, оплачиваемая по факту выполнения (20%), ведение натурального хозяйства (18%) и надомная работа (17%), т.е. повышению уровня востребованности пожилых на рынке труда будет способствовать гибкость в отношении форм трудовой занятости, а отсутствие гибкости усиливает депривацию.

Востребованность пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений связана и с отраслевой принадлежностью предприятий. Руководители предприятий и организаций, осуществляющие свою деятельность в сферах здравоохранения, торговли и производства, достаточно высоко ценят специалистов пожилого возраста и поддерживают их решение продолжать трудовую деятельность. В сферах образования, строительства и услуг (ЖКХ, туризм и др.) пожилых людей готовы принимать на работу, но их опыт, знания, квалификация не ценятся. Не готовы принимать на работу пожилых людей представители сферы информационных технологий.

Таким образом, ключевыми факторами депривации пожилых людей в сфере социально-трудовых отношений являются низкий уровень образования, квалификации и профессионального опыта, прежний социально-профессиональный статус на уровне специалиста или служащего, местожительство вдали от областного центра, плохое состояние здоровья, низкий уровень жизни, отсутствие гибкости в вопросах трудоустройства и выборе форм занятости, низкая конкурентоспособность на рынке труда, обусловленная сниженной работоспособностью, скоростью решения поставленных задач, инициативностью, а также личностная незрелость молодых руководителей, до конца не осознающих преимущества работников старшего возраста. Одним из способов противостояния депривации в социально-

трудовой сфере для пожилых людей является выбор и реализация стратегий социального поведения, соответствующих модели активного долголетия, т.е. способствующих росту интегрированности пожилых людей в современный российский социум и улучшению их качества жизни.

Библиографический список

- [1] *Абрахамсон П.* Социальная эксклюзия и бедность // *Общественные науки и современность*. 2001. № 2.
- [2] *Авраамова Е., Логинов Д.* Социальное самочувствие и возможности самореализации: расслоение доходных и возрастных групп населения // *Экономическое развитие России*. 2018. Т. 25. № 11.
- [3] *Аникин В.А., Тихонова Н.Е.* Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // *Общество и экономика*. 2016. № 1.
- [4] *Антонова В.К.* Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // *Журнал исследований социальной политики*. 2013. Т. 11. № 2.
- [5] *Бабич Н.С.* Статус типологического метода в эмпирических исследованиях социального неравенства // *Современные исследования социальных проблем*. 2012. № 9.
- [6] *Бородкин Ф.М.* Социальные эксклюзии // *Социологический журнал*. 2000. № 3—4.
- [7] *Гарр Т.Р.* Почему люди бунтуют. СПб., 2005.
- [8] *Голенкова З.Т.* Избранные труды. М., 2014.
- [9] *Горшков М.К.* Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). В 2-х тт. Т. 2. М., 2016.
- [10] *Григорьева И.А., Парфенова О.А., Петухова И.С.* Занятость и социальное исключение пожилых граждан (обзор европейских конференций) // *Социологические исследования*. 2018. № 5.
- [11] *Григорьева И.А., Петухова И.С.* Сокращение социального исключения лиц пожилого возраста // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2018. Т. 21. № 2.
- [12] *Дмитриева А.В.* Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // *Социологический журнал*. 2012. № 2.
- [13] *Елютина М.Э., Болотов Г.И.* Повседневная жизнь пожилой семьи: стратегия планирования и жесткой экономии ресурсов // *Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология*. 2017. Т. 17. № 1.
- [14] *Елютина М.Э.* Социальная экзистенция старости: архив мнений. Саратов, 2017.
- [15] *Ефлова М.Ю.* Социальное исключение депривированных групп в современном обществе // *Вестник экономики, права и социологии*. 2015. № 1.
- [16] *Инклюзия как принцип современной социальной политики в сфере образования: механизмы реализации / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой.* М., 2008.
- [17] *Козырева П.М., Смирнов А.И.* Масштабы и динамика социально-экономического неравенства в современной России // *Россия реформирующаяся*. 2018. № 16.
- [18] *Корнилова М.В.* Инновации и риски мониторинга уровня и качества жизни пожилых москвичей: анализ материалов фокус-дискуссии // *Вестник НГУЭУ*. 2017. № 1.
- [19] *Корнилова М.В.* Социальное обслуживание как способ защиты пожилых москвичей от социальных рисков // *Социальная политика и социология*. 2017. Т. 16. № 3.
- [20] *Кошарная Г.Б., Щанина Е.В.* Особенности обучения пожилых людей // *Интеграция образования*. 2013. № 4.

- [21] *Максимова С.Г., Ноянзина О.Е., Максимова М.М., Щеглова Д.К.* Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп: социально-экономические аспекты // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2015. № 5.
- [22] *Маршалл Т.Х.* Ценностные проблемы welfare-капитализма // *Журнал исследований социальной политики*. 2010. Т. 8. № 4.
- [23] *Москвин Л.Б.* Проблема выравнивания неравенства в современном обществе // *Социально-гуманитарные знания*. 2015. № 3.
- [24] *Неваева Д.А., Максимова С.Г.* Социальная эксклюзия пожилых людей (по материалам социологических исследований в Алтайском крае) // *Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве*. 2016. № 4-2.
- [25] *Овчарова Л.Н.* Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности // *SPERO*. 2012. № 16.
- [26] Показатели, характеризующие занятость населения в возрасте старше трудоспособного, по субъектам Российской Федерации // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/#.
- [27] *Седова Н.Н.* Жизненные цели и стратегии россиян: контекст пассионарности // *Социологический журнал*. 2016. Т. 22. № 2.
- [28] Социальная активность граждан пожилого возраста // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/#.
- [29] *Тилли Ч.* Принуждение, капитал и европейские государства. 990—1992 гг. / пер. с англ. Т.Б. Менской. М., 2009.
- [30] *Тощенко Ж.Т.* Травма и антиномия — новые черты общественного сознания и поведения в современной России // *Социология*. 2014. № 4.
- [31] *Троцук И.В.* Сколько географического воображения нужно социальной геронтологии (и зачем)? // *Социология власти*. 2019. Т. 31. № 1.
- [32] *Троцук И.В.* «Умолчания» поколенческого анализа: объективное и субъективное значение возраста // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2015. Т. 15. № 2.
- [33] *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М., 2018.
- [34] *Шмидт В.* Междисциплинарный подход к проблеме социальной эксклюзии // *Журнал исследований социальной политики*. 2004. Т. 2. № 4.
- [35] *Щанина Е. В.* Востребованность пожилых людей в трудовой сфере в современных социально-экономических условиях // *Власть*. 2017. Т. 25. № 8.
- [36] *Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р.* Инклюзивная культура социальных сервисов // *Социологические исследования*. 2015. № 12.
- [37] *Abrams D., Grant P.R.* Testing the Social Identity Relative Deprivation (SIRD) model of social change: The political rise of Scottish nationalism // *British Journal of Social Psychology*. 2011. Vol. 51.
- [38] *Burton J.* Conflict: Human Needs Theory. L., 1990.
- [39] *Levitas R., Pantazis C., Fahmy E., Gordon D., Lloyd E., Patsios D.* The Multi-dimensional Analysis of Social Exclusion. Bristol, 2007.
- [40] *Lokshin M., Yemtsov R.* Household Strategies for Coping with Poverty and Social Exclusion in Post-Crisis Russia. Policy Research Working Papers. 2001 // <http://documents.worldbank.org/curated/en/853331468780963358/pdf/multi0page.pdf>.
- [41] *Mack J., Lansley S.* Poor Britain. L., 1985.
- [42] *Power A., Wilson W.J.* Social Exclusion and the Future of Cities. L., 2000.
- [43] *Sen A.* Social exclusion: Concept, application and scrutiny // *Social Development Papers*. 2000. № 1.
- [44] *Townsend P.* Deprivation // *Journal of Social Policy*. 1987. Vol. 16. Part 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-3-481-493

Deprivation factors for the elderly in the social-labor sphere: A regional aspect*

G.B. Kosharnaya, E.V. Shchanina

Penza State University
Krasnaya St., 40, Penza, 440026, Russia
(e-mail: k-galinal@yandex.ru; shchanina@mail.ru)

Abstract. Social deprivation and exclusion of the elderly have become a relevant problem not only for Russia but also for many European countries. The article aims at identifying the risk factors of deprivation of the elderly in the field of social-labor relations based on the theoretical-methodological analysis of the classical sociological theories and works of contemporary Russian and foreign sociologists focusing on the issues of social deprivation. The authors developed a factorial model of deprivation of the elderly in the social-labor sphere, and by combining it with the results of sociological surveys conducted in 2017—2018 in the Penza and Saratov Regions and the Republic of Tatarstan, conducted a comprehensive analysis of the deprivation factors of the elderly in the labor sphere. The article emphasizes that the elderly form a heterogeneous social group: some of them are an object of social policy, protection and welfare system, while others are an active subject of social interactions. The deprivation of the elderly depends on external and personal factors that can be of objective or subjective character. Based on the data of empirical studies, the article reveals the most significant depriving factors for the elderly in the social-labor sphere: age, education, residence, professional status before retirement, self-assessment of health and standards of living, perception of one's demand in the labor market, and the demand for the elderly in the labor market from the employers' perspective. The results of the surveys allowed to identify areas of employment with the highest demand for the elderly — health care, trade and production, while the sphere of information technologies is closed for them. In general the choice and implementation of behavior strategies corresponding to the model of active longevity contribute to overcoming the deprivation factors.

Key words: elderly people; deprivation factors; labor market; demand in the labor market; social-labor activity of the elderly; employment of pensioners

References

- [1] Abrakhamson P. Sotsialnaya eksklyuziya i bednost [Social exclusion and poverty]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2001; 2 (In Russ.).
- [2] Avraamova E., Loginov D. Sotsialnoe samochuvstvie i vozmozhnosti samorealizatsii: rassloenie dokhodnykh i vozrastnykh grupp naseleniya [Social well-being and opportunities for self-realization: Differentiation of income and age groups]. *Ekonomicheskoe Razvitie Rossii*. 2018; 25 (11) (In Russ.).
- [3] Anikin V.A., Tikhonova N.E. Bednost i neravenstvo v stranakh BRIKS: rossiyskaya spetsifika [Poverty and inequality in the BRICS countries: The Russian specifics]. *Obshchestvo i Ekonomika*. 2016; 1 (In Russ.).
- [4] Antonova V.K. Kontsepty sotsialnoy inkluzii i eksklyuzii v globalnom obshchestve: dreyf po sotsialnym institutam, aktoram i praktikam [Concepts of social inclusion and exclusion in the global society: An overview of social institutions, actors and practices]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2013; 11 (2) (In Russ.).
- [5] Babich N.S. Status tipologicheskogo metoda v empiricheskikh issledovaniyakh sotsialnogo neravenstva [The status of typological method in the empirical studies of social inequality]. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*. 2012; 9 (In Russ.).

* © G.B. Kosharnaya, E.V. Shchanina, 2019.

The article was submitted on 24.03.2019. The article was accepted on 23.05.2019.

- [6] Borodkin F.M. Sotsialnye eksklyuzii [Social exclusions]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2000; 3/4 (In Russ.).
- [7] Garr T.R. *Pochemu lyudi buntuyut* [Why People Riot]. Saint Petersburg; 2005 (In Russ.).
- [8] Golenkova Z.T. *Izbrannyye Trudy* [Selected Works]. Moscow; 2014.
- [9] Gorshkov M.K. *Rossiyskoye obshchestvo kak ono est: opyt sotsiologicheskoy diagnostiki* [Russian Society as It Is: Sociological Diagnostics]. Vol. 2. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [10] Grigorieva I.A., Parfenova O.A., Petukhova I.S. Zanyatost i sotsialnoye isklyucheniye pozhiylykh grazhdan (obzor evropeyskikh konferentsiy) [Employment and social exclusion of the elderly (a review of European conferences)]. *Sotsiologicheskyye Issledovaniya*. 2018; 5 (In Russ.).
- [11] Grigor'eva I., Petukhova I. Sokrashcheniye sotsialnogo isklyucheniya lits pozhilogo vozrasta [Reducing old-age social exclusion]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2018; 21 (2) (In Russ.).
- [12] Sedova N.N. Zhiznennyye tseli i strategii rossiyan: kontekst passionarnosti [Life goals and strategies of Russians: The context of passionarity]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2016; 22 (2) (In Russ.).
- [13] Dmitrieva, A.V. Sotsialnoye vklyucheniye/isklyucheniye kak printsip strukturatsii sovremennoy obshchestva [Social inclusion/exclusion as a structuring principle of the contemporary society]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2012; 2 (In Russ.).
- [14] Elyutina M.E., Bolotov G.I. Povsednevnyaya zhizn pozhiyloy semyi: strategiya planirovaniya i zhestkoy ekonomii resursov [Everyday life of the elderly family: A strategy for planning and austerity]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2017; 17 (1) (In Russ.).
- [15] Elyutina M.E. *Sotsialnaya ekzistentsiya starosti: arkhiv mneniy* [Social Essence of Old Age: An Archive of Opinions]. Saratov; 2017 (In Russ.).
- [16] Eflova M.Yu. Sotsialnoye isklyucheniye deprivirovannykh grupp v sovremennoy obshchestve [Social exclusion of the deprived groups in the contemporary society]. *Vestnik Ekonomiki, Prava i Sotsiologii*. 2015; 1 (In Russ.).
- [17] *Inklyuziya kak printsip sovremennoy sotsialnoy politiki v sfere obrazovaniya: mekhanizmy realizatsii* [Inclusion as a Principle of Contemporary Social Policy in Education: Implementation Mechanisms]. Pod red. P. Romanova, E. Yarskoy-Smirnovoy. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [18] Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Masshtaby i dinamika sotsialno-ekonomicheskogo neravenstva v sovremennoy Rossii [The scale and dynamics of the social-economic inequality in contemporary Russia]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. 2018; 16 (In Russ.).
- [19] Kornilova M.V. Innovatsii i riski monitoringa urovnya i kachestva zhizni pozhiylykh moskvichey: analiz materialov fokus-diskussii [Innovations and risks of the monitoring of the elderly Muscovites level and quality of life: Analysis of focus-discussion]. *Vestnik NGUEU*. 2017; 1 (In Russ.).
- [20] Kornilova M.V. Sotsialnoye obsluzhivaniye kak sposob zashchity pozhiylykh moskvichey ot sotsialnykh riskov [Social services as a way of protecting elderly Muscovites against social risks]. *Sotsialnaya Politika i Sotsiologiya*. 2017; 16 (3) (In Russ.).
- [21] Kosharnaya B.B., Shchanina E.V. Osobennosti obucheniya pozhiylykh lyudey [Peculiarities of the education for the elderly]. *Integratsiya Obrazovaniya*. 2013; 4 (In Russ.).
- [22] Maksimova S.G., Noyanzina O.E., Maksimova M.M., Shcheglova D.K. Sotsialnaya eksklyuziya lits starshikh vozrastnykh grupp: sotsialno-ekonomicheskiye aspekty [Social exclusion of the elderly groups: Social-economic aspects]. *Vestnik Altayskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta*. 2015; 5 (In Russ.).
- [23] Marshall T.H. Tsennostnyye problemy welfare-kapitalizma [Value problems of the welfare capitalism]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2010; 8 (4) (In Russ.).
- [24] Moskvina L.B. Problema vyravnivaniya neravenstva v sovremennoy obshchestve [The problem of eliminating inequality in the contemporary society]. *Sotsialno-Gumanitarnyye Znaniya*. 2015; 3 (In Russ.).

- [25] Nevaeva D.A., Maksimova S.G. Sotsialnaya eksklyuziya pozhilykh lyudey (po materialam sotsiologicheskikh issledovaniy v Altayskom krae) [Social exclusion of the elderly (based on the sociological studies in the Altai Region)]. *Sotsialnaya Integratsiya i Razvitie Etnokultur v Evraziyskom Prostranstve*. 2016; 4-2 (In Russ.).
- [26] Ovcharova L.N. Teoretiko-metodologicheskie voprosy opredeleniya i izmereniya bednosti [Theoretical-methodological issues of defining and measuring poverty]. *SPERO*. 2012; 16 (In Russ.).
- [27] Pokazateli, kharakterizuyushchie zanyatost naseleniya v vozraste starshe trudosposobnogo, po sub'ektam Rossiyskoy Federatsii [Indicators of the employment of the population older than the able-bodied, by subjects of the Russian Federation]. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (In Russ.).
- [28] Sotsialnaya aktivnost grazhdan pozhilogo vozrasta [Social activity of the elderly]. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (In Russ.).
- [29] Tilly Ch. *Prinuzhdenie, kapital i evropeyskie gosudarstva. 990—1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States, A.D. 990—1992 book]. Per. s angl. T.B. Menskoy. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [30] Toshchenko Zh.T. Travma i antinomiya — novye cherty obshchestvennogo soznaniya i povedeniya v sovremennoy Rossii [Trauma and antinomy — new features of public consciousness and behavior in contemporary Russia]. *Sotsiologiya*. 2014; 4 (In Russ.).
- [31] Trotsuk I.V. Skolko geograficheskogo voobrazheniya nuzhno sotsialnoy gerontologii (i zachem)? [How much geographical imagination does social gerontology need (and why)?]. *Sotsiologiya Vlasti*. 2019; 31 (1) (In Russ.).
- [32] Trotsuk I.V. “Umolchaniya” pokolencheskogo analiza: ob'ektivnoe i sub'ektivnoe znachenie vozrasta [“White spots” of the generational analysis: Objective and subjective meaning of the age]. *RUDN Journal of Sociology*. 2015; 15 (2) (In Russ.).
- [33] Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsionalnoy identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America's National Identity]. Per. s angl. A. Bashkirova. Moscow; 2018 (In Russ.).
- [34] Shmidt V. Mezhdistsiplinaryny podkhod k probleme sotsialnoy eksklyuzii [An interdisciplinary approach to social exclusion]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsialnoy Politiki*. 2004; 2 (4) (In Russ.).
- [35] Shchanina E.V. Vostrebovannost pozhilykh lyudey v trudovoy sfere v sovremennykh sotsialno-ekonomicheskikh usloviyakh [The demand for the elderly in the labor sphere in the current social-economic conditions]. *Vlast*. 2017; 25 (8) (In Russ.).
- [36] Yarskaya V.N., Yarskaya-Smirnova E.R. Inklyuzivnaya kultura sotsialnykh servisov [Inclusive nature of social services]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 12 (In Russ.).
- [37] Abrams D., Grant P.R. Testing the Social Identity Relative Deprivation (SIRD) model of social change: The political rise of Scottish nationalism. *British Journal of Social Psychology*. 2011; 51.
- [38] Burton J. *Conflict: Human Needs Theory*. London; 1990.
- [39] Levitas R., Pantazis C., Fahmy E., Gordon D., Lloyd E., Patsios D. *The Multi-Dimensional Analysis of Social Exclusion*. Bristol; 2007.
- [40] Lokshin M., Yemtsov R. *Household Strategies for Coping with Poverty and Social Exclusion in Post-Crisis Russia*. Policy Research Working Papers. 2001. <http://documents.worldbank.org/curated/en/853331468780963358/pdf/multi0page.pdf>.
- [41] Mack J., Lansley S. *Poor Britain*. London; 1985.
- [42] Power A., Wilson W.J. *Social Exclusion and the Future of Cities*. London; 2000.
- [43] Sen A. Social exclusion: Concept, application and scrutiny. *Social Development Papers*. 2000; 1.
- [44] Townsend P. Deprivation. *Journal of Social Policy*. 1987; 16 (2).